
Г. Н. ЗЫКОВА

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ¹

Процесс социального познания предстаёт как исследование субъектом вопросов о природе социальной реальности, целях и смыслах человеческой деятельности и путях социального творчества в рамках определённых «форм жизни». Направленность вопрошания субъекта, определённость форм познания, конкретных способов действия исследователя с объектом познания можно объяснить, если выйти за пределы самого процесса познания, в область социокультурных реалий, обнаруживающих многомерный контекст познавательной деятельности. Глубина укоренённости человеческой деятельности в определённых социокультурных контекстах отражена в понятии *репрезентативной культуры*.

Социокультурная ситуация, репрезентативная для современного общества и социального познания, характеризуется как постмодернистская. Постмодернизм стал осмысливаться как выражение «духа времени» во всех сферах человеческой деятельности.

Во многих исследованиях под постмодернизмом подразумевают некоторое состояние общественного сознания: «умонастроение, широкое культурное течение»², «настроение, состояние ума, в первую очередь, творческой интеллигенции, интеллектуальной элиты, а затем уже и широкой

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 00–03–00256.

² Маньковская Н. Б. Постмодернизм // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 87.

культурной общественности»³, «эмоциональное течение, проникшее во все поры общественной жизни» (Ю. Хабермас), особый тип менталитета, «постмодернистскую чувствительность» (Ж.-Ф. Лиотар, В. Вельш и др.). Под «постмодернистской чувствительностью» понимается специфическое видение мира как хаоса, лишённого причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, «мира децентрированного», предстающего сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов. Таким образом, постмодернизм как состояние сознания затрагивает сферу миропонимания, но в большей мере – сферу мироощущения, то есть ту область, где на первый план выходит не рациональная, логически оформленная философская рефлексия, а глубоко эмоциональная реакция современного человека на окружающий его мир. Назовём основные понятия, которыми оперирует этот мировоззренческий комплекс: «мир как хаос», «мир как текст» и «интертекстуальность», «кризис авторитетов» и «эпистемологическая неуверенность», «двойное кодирование» и «пародийный модус существования», «противоречивость», «дискретность» и «фрагментарность», «метарассказ» («метапаттерн») и др. Особенность этого «ощущающего» мышления заключается в том, чтобы посредством действий в потоке жизни замечать, ощущать, узнавать, чувствовать.

В условиях такого разночтения смыслов исходных понятий необходимо хотя бы попытаться определить их и разграничить сферы их применения. В. Вельш, известный теоретик постмодернизма, считает первоначальным тот смысл этих понятий, который рождается из сравнения постмодерна с модерном. Причём, исходя из нестрогого, почти произвольного их употребления, и модерн, и постмодерн могут обозначать и историческую эпоху в её социокультурном своеобразии, и мировоззренческо-методологический комплекс, в котором «схватываются» пусть не все, но опреде-

---

³ Гречко П. К. Концептуальные модели истории. М.: Логос, 1995. С. 88.

лённые стороны реальности, и определённый универсальный способ освоения мира, присущий определённому типу субъекта с его коренными жизненными установками, реализующимися в процессе материальных, социально-культурных, коммуникативных и когнитивных практик.

С нашей точки зрения, существенное различие между значениями понятий «постмодерн» и «постмодернизм» заключается в следующем.

Понятие «постмодерн» употребляется для обозначения объективно сложившегося качественного состояния современного общества. Оно в большей мере применяется для обозначения новых феноменов в области культуры, искусства, мировоззрения, которые являются внешними симптомами глубокой трансформации социального мира, и представляют собой новую стадию в культурном самосознании развитых стран Запада. Ясно, что состояние постмодерна – это не то же самое, что постмодернизм в искусстве или философии, который представляет собой не до конца отрефлексированную, хотя и чуткую реакцию на новое положение дел. Речь идёт о провоцирующем источнике, основе этой реакции. Поэтому важно понять, почему возник и укореняется этот новый – постсовременный – мир.

Источником рациональных философских и научных описаний новых качеств социума является сама реальность: как её новые собственные параметры развития, так и негативные стороны её нынешнего состояния. Можно согласиться с мнением З. Баумана о том, что постмодерн является аспектом жизнеспособной социальной системы, которая приходит на смену классическому капитализму.

Каков же этот мир, каким он является человеку, каким он стал «сам по себе» на рубеже постсовременной эпохи?

По мнению З. Баумана, для постмодернистского общества характерен перманентный и неистребимый плюрализм культур, коммуналистических традиций, идеологий, «форм жизни», «языковых игр» или признание такого плюрализма. Полнейшее разнообразие стилей и верований: «мир миров», «стиль стилей», «кухня кухонь», «вера верований» –

всё это сказано об этом обществе. Поднимается универсализм рядоположенности и всепредставленности. Этика без универсальных обязательств и эстетика без универсальных стилей. И так же в разных сферах культуры: в организации научной картины мира, в сборках политического или профессионального сознания, в распадающихся и пересобирающихся социальных иерархиях и национально-этнических конфигурациях, в преодолении гендерного схематизма. Постмодерн – это эпоха, когда ничто частное настолько не защищено от появления рядом любого другого, что говорить об универсалистских претензиях чего-либо просто не приходится. Претендуя на то, чтобы быть «стилем стилей», постмодерн на самом деле замахивается на гораздо большее. Стоит посмотреть на него как на исполненный большой цикл, замкнувший контур, выводящий на новый виток, как на ещё одно начало времён. То есть речь идёт о новом витке взаимоотношений человеческой креативности и естественного контекста. Это не просто очередная мутация культуры и цивилизации, проявляющаяся во всех сферах социальной жизни, а, скорее, «второе рождение», требующее нового именованя, самоидентификации, новых техник обоснования действия и взаимодействия.

По мнению В. Г. Федотовой, качественное отличие общества постмодерна от традиционного общества и общества модерна, заключается в следующем. Общество постмодерна, с одной стороны, отталкивается от многих ценностей и установок модернистского общества и громко афиширует это отречение, а, с другой стороны, во многом продолжает его установки, преодолевая именно непоследовательность или половинчатость их реализации. Для этих целей используются и ассимилируются многие ценности, которые были присущи традиционному обществу. «Постсовременное» общество «содержит в себе ориентацию на новое с учётом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, но значение религии и мифологии в духовной сфере; значение выделенной личности и вместе с тем

одобрение и использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, но признание авторитетов в политике; эффективную производительность, но ограничение пределов роста; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных ценностных легитимаций социального выбора»⁴.

Попытки описания нового состояния социума нашли реализацию в концепциях постиндустриального, посттрудового, информационного, постмодернистского и т. п. обществ. Все эти термины, относясь к одному и тому же объекту, – обществу постмодерна – описывают различные его стороны и аспекты, но главное заключено в том, что они описывают общество на совершенно новом этапе социально-экономического развития: изменяется характер труда, место системы производства в социуме. Технологический, экономический детерминизм не всегда достаточен для описания его существенных связей, так как для развития современного производства важны и организационные инновации, и всё бóльшая весомость социального фактора производства – многопланово развивающегося в растущем потоке информации наёмного работника. Таким образом, социальный детерминизм становится многофакторным и складывается, как минимум, из трёх компонентов – экономикотехнологического, организационного и социокультурного.

Если на этапе модернизма капитализм характеризовался главенствующей ролью труда и экономических отношений одновременно на индивидуальном, социальном и системном уровнях, то в обществе постмодерна такая роль принадлежит свободе потребителя. Не в сфере труда, а в сфере рынка и потребления осуществляются связи жизненных миров индивидов и формируется определяющий тип целерациональности социальных систем. Когда потре-

---

⁴ Федотова В. Г. Теория и жизненный мир человека. М., 1994. С. 60.

ние становится центром индивидуальной свободы, будущее капитализма выглядит более устойчивым, так как социальный контроль становится легче и дешевле. Воспроизводство капиталистической системы осуществляется через индивидуальную свободу в форме потребительской свободы, а не через её подавление. Таким образом, общество на стадии постмодерна основные механизмы системного воспроизведения и социальной интеграции осуществляет на совершенно новой основе. В качестве систематизирующего фактора социальной реальности выступают не труд и технология, а рынок и информация.

Понятие «постмодернизм», как уже было сказано выше, обозначает новые феномены в области культуры, представляющие собой новую стадию в культурном самосознании развитых стран Запада. Постмодернистские сдвиги проявляются в различных сферах и процессах культуры: «в политической сфере – в развитии разных форм постутопической мысли; в философии – в развитии постметафизики и пострационализма, постэмпиризма; в этике – в постгуманизме и нравственной амбивалентности личности; в точных науках – как стиль постнеклассического научного мышления; в искусствоведении – как новый художественный стиль»⁵. Глубоко прорабатывается в философской литературе тема «постмодернизм и религия».

Нужно отметить, что не все исследователи постмодернизма связывают его существование с определённой исторической эпохой, например, постсовременной, которая была охарактеризована выше.

У. Эко считает, что «постмодернизм – это не фиксированное хронологическое явление, а некоторое духовное состояние, подход к работе. В этом смысле можно сказать, что у любой эпохи есть собственный постмодернизм». И далее он описывает универсальный механизм соотношения традиционного, модернистско-авангардистского и постмодернистского в развитии культуры: «Прошлое давит, тяго-

---

⁵ Маньковская Н. Б. Постмодернизм // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 128.

тит, шантажирует; авангард хочет откеститься от прошлого. Авангард разрушает, деформирует прошлое... Но наступает предел, когда авангарду дальше идти некуда. Постмодернизм это ответ модернизму: раз уж прошлое нельзя уничтожить, ибо его уничтожение ведёт к немоте, его нужно переосмыслить: иронично, без наивности»⁶.

Постмодернизм рассматривается, чаще всего, как негативная, критическая реакция на модернизм и составляющий его ядро просвещенческий разум. Одна из важных особенностей постмодернистских дискурсов заключается в критике модернистской рациональности за её универсализм, фундаментализм и связь с тоталитаризмом. Отношения между социальной реальностью и социальным мышлением, связанность Дискурса и Власти наиболее разработаны в работах П. Бурдье и М. Фуко. Существовавшее до сих пор знание было едино по форме; но это единство, подчёркивает Ж.-Ф. Лиотар, обеспечивалось использованием великих метанарративов, метаповествований. Метанарративы – это базовые повествовательные идеи, предельно широкие объяснительные схемы, легитимирующие, то есть обосновывающие и оправдывающие единство, или устойчивую целостность исследования практического действия, вообще реальности. Такое обращение к легитимирующей всё и вся базовой идее характерно для развития науки, философии и всей культуры в целом всех эпох, существовавших до постмодерна. Для него, напротив, характерен диагноз распада единства (как исходная ситуация постмодерна) и поощрение множественности (как задача постмодерна на будущее). Пытаясь выявить наиболее типичную черту постмодернистской культуры, Ж.-Ф. Лиотар отметил: «Предельно упрощая можно сказать: "Постмодерн" означает, что метанарративам уже не верят»⁷.

Чтобы нейтрализовать тотализирующий властный заряд целого или единого, постмодернизм придерживается уста-

---

⁶ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1988. № 10. С. 28.

⁷ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 24.

новки радикального плюрализма. «Постмодернизм начинается там, где кончается целое», – пишет В. Вельш⁸. На место целого, единства, универсального постмодернизм ставит части, различия, дифференциации, индивидуации и прочее. То есть ядро постмодернистского сознания – это защита многообразия и автономии, недопущение никакой единой и господствующей формы. Вместе с тем, стиль постмодерна нельзя определять как произвольную смесь разнородных элементов: либидо экономики, электроники, цинизма и восточной мистики. Ж.-Ф. Лиотар защищает плюрализм как требование различий, так как новые технологии унифицируют человека и окружающую его реальность. В результате осуществляется гегемония информатики, которая сводит многообразие жизни к игре по одним правилам, стирает нюансы, неясности, различия в языковых играх.

Установив диагноз заболевания современного общества, Лиотар предлагает вариант его терапии, который состоит в свободном доступе к информации, к базам и банкам данных, чтобы их можно было использовать не только так, как это было в проектах создателей информационных систем, но и включать их в гетерогенные контексты, в реальное многообразие человеческой деятельности и коммуникации. Таким образом, постмодернизм выступает против тоталитаризма в любом его обличье: не только политического, но и современного технологического. Эти протесты обусловлены не враждебностью к технике и технологии, а неприятием любых форм диктатуры и претензий на исключительность. То есть, изначальный пафос постмодернизма заключался в стремлении соединить возможности технологического развития с максимально широкими плюралистическими и гуманистическими ориентациями.

Постмодернизм избегает вызывающе резкого отрицательного отношения к средневековью, религии, авторитету, к культурам, не освоившим достижения Запада, к сельско-

---

⁸ Вельш В. «Постмодерн». К генеалогии одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 13.

му укладу жизни и т. д. Кроме того, постмодернизм вообще отказывается от выстраивания всех явлений по одной линии: от «неправильного» к «правильному», от «отсталого» к «передовому» («модерному»). Так, например, образ жизни и обычаи малоцивилизованных народов, представляющиеся с точки зрения модернизма отсталыми и не заслуживающими внимания, с точки зрения постмодернистского стиля мышления, напротив, нуждаются прежде всего во внимании и защите. Для постмодернизма характерно признание «одновременности разновременного», т.е. того, что хотя многие из существующих ныне явлений не являются «модерными», но необходимо исходить просто из факта их существования.

Этот комплекс общих идей и установок постепенно стал осознавать себя как «философия постмодернизма». Правда, некоторые исследователи отрицают корректность употребления понятия «постмодернистская философия», и предлагают пользоваться термином «философия ситуации постмодерна».

В любом случае речь идёт о сформированных у субъекта под воздействием особенностей социокультурной ситуации нового мировидения, новых установок познания и действия. Как бы ни отрицали сами представители постмодернизма наличие какого-либо единства и унифицирующей тенденции в сфере духовной культуры, объективно, под воздействием социальных изменений всё-таки складывается определённый способ освоения мира, реализующийся в процессе материальных социально-культурных, коммуникативных и когнитивных практик.

Глобальность и стремительность развёртывания новых общественных явлений порождает сомнения в возможности адекватного познания нестабильного мира, побуждает к поиску новых парадигм и методологического инструментария в социальном познании.

Наиболее очевидно проявляются постмодернистские аспекты развития социума в его культурном измерении. Постмодернизм является выражением трагедии культуры:

количество объективно доступной культурной продукции превышает ассимилирующую способность любого члена общества. Постмодернистская культура, по выражению Ж. Бодрийяра, – это культура избытка. Её характеризует обилие значений и недостаток оценочных критериев. Большинство исследователей современной культуры признают уникальную роль средств информации как основной движущей силы культурного производства и распределения. Наиболее влиятельное средство информации – телевидение. Телевидение рассматривается не только как технический объект, но и как целостный технический ансамбль, социальный аппарат, который врывается в общество как символическая культурная форма относительной власти, действующая как симулякр электронных образов, преобразующих всё в семиургический мир рекламы и власти. Телевидение есть реальный мир постмодернизма: горизонт, наконец, замыкается, и свобода становится синонимом глубочайших лишений полностью реализованного технологического общества. Ж. Бодрийяр тоже считает, что само общество воспринимается сейчас в соответствии со стандартами телевидения: история предстаёт как зрелище, «разгул знаков», бесконечная игра симуляций, то есть как открытое пространство бесконечных трансформаций и интерпретаций.

Философское сознание, существующее в поле такого культурного опыта, реагирует на новую ситуацию. Такая реальность «требует не метафизической и универсалистской Философии Сути, а Философии Соседств, которая заведомо оказывается прагматической и «интерлокальной», то есть обосновывающей сосуществование множества малых и фрагментарных образований друг с другом, миропорядок обособленного, содружество суверенного: это миропонимание, которое позволяет каждому лелеять своё Абсолютное и Вечное, Универсальное и Единственное, но в тех

пределах, в которых не ущемляется Абсолютное и Вечное, Универсальное и Единственное, лелеемое по соседству»⁹.

В свете всего вышесказанного, мировоззренческие вопросы типа – что такое мир, каково место человека в этом мире – заменяются иными вопросами: какой это из миров, как его идентифицировать (в связи с какой смысловой основой?), что с ним надо делать. И это не случайно, так как для духовной культуры в целом и социально-философской сферы в частности характерен процесс дальнейшей плюрализации смыслопорождающих инстанций, не нуждающихся более ни в каком узаконении автономно борющихся за общественное признание.

В эпистемологическом плане постмодернизм отличают следующие черты: отказ от попыток систематизации мира и установки на его преобразование, отказ от традиционных бинарных понятийных оппозиций «объект – субъект», «часть – целое», «реальное – воображаемое», «оригинальное – вторичное», «старое – новое», «естественное – искусственное», «поверхностное – глубинное», «присутствие – отсутствие» и так далее. В постмодернистской социокультурной ситуации и познавательная деятельность часто трактуется как открытое пространство бесконечных трансформаций и интерпретаций. В свете этого, социальное познание понимается как действия индивида по конструированию различных миров из множества элементов, включённых в различные виды практики, эти действия не регламентируются ничем, кроме коммуникативных связей. Интерес к универсальным закономерностям развития природы и общества вытесняется интересом к отдельному и особенному. Так как постмодернистское мировоззрение иначе определяет место человека в мире, обладает более слабыми предсказательными возможностями, чем каузальное, то оно не нацелено на поиск общих безусловных исторических законов, а даёт лишь контуры объяснений, которые тоже историчны и случайны. Постмодернист не спрашивает: «Истинно ли это?»; он за-

---

⁹ Рубцов А. Универсализм без берегов и с берегами // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. С. 10.

даёт вопрос: «Какое это имеет значение?». Р. Рорти пишет: «Мы, прагматисты, мало смысла видим в традиционной постановке задачи искать истину ради неё самой. Мы не можем считать истину целью познания. Задача познания – достигать согласия между людьми относительно того, что им следует делать; достигать консенсуса относительно тех целей, к которым следует стремиться, и тех средств, которыми им следует пользоваться для того, чтобы достигать этих целей. Познавательные усилия, которые не приводят к координации поведения – это не познавательные усилия, это просто игра словами. Я подозреваю, что единственное, что мы можем делать, – это вновь и вновь формулировать свои точки зрения, во всё новых и новых контекстах»¹⁰.

Нужно отметить, что в постмодернизме исчезает понятие объективной истины. Так как монистическая модель общества стремительно заменяется плюралистической, встречаются нигилистические идеи о том, что нет различия между истиной и заблуждением, добром и злом. Принцип плюрализма понимается не как готовность к одновременному применению различных типов анализа или как признание взаимоисключающих выводов, а как возможность переходить от одного типа интерпретации объекта к другому. Таким образом, истина истолковывается не как слепок с реального объекта, не как характеристика знания, а как описание способов деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен и плюрализм истин, то есть исключается монополия на истину, обнаруживается связь истины с интересами людей. Понятие «объективная истина» в лучшем случае сохраняет лишь абстрактно-регулятивное значение в общественном сознании, но практически истинность выявляется в контексте всех типов мышления, деятельности и коммуникаций. Если суммировать всё вышесказанное о трактовке познавательной деятельности в постмодернизме и попытаться выявить

---

¹⁰ Рорти Р. Найдённое и сделанное // Философский прагматизм Р. Рорти и российский контекст. М., 1996. С. 32.

коренную эпистемологическую установку постмодернизма, то таковой, без сомнения, будет установка «учёного незнания»¹¹.

Феномен «учёного незнания» широко известен со времён Сократа; классической формой выражения сути этой позиции стали его слова: «Я знаю, что я ничего не знаю, а другие не знают даже этого». Этим было заложено начало традиции, придающей ценность и высокий статус не только положительному, но и отрицательному результату познавательной деятельности. Н. Кузанский, глубоко разрабатывающий тему «учёного незнания», писал: «Для самого пытливого человека не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудрённость в собственном незнании; всякий окажется тем учёнее, чем полнее увидит своё незнание»¹². С его точки зрения, человеческое познание относительно в силу несоизмеримости конечного человеческого разума и бесконечного предмета исследования.

«Учёным» незнание считается именно потому, что оно выступает результатом познавательных усилий исследователя, который столкнулся с трудностями установления истины, причины которых могут быть самыми разными: «сложность предмета», «краткость человеческой жизни» и т. п.

Какова же тогда роль философии и науки? Функция философии уже не в определении истины и не в «роли надзирателя, дающего общие основания для всего» (Р. Рорти). Для философа в этих условиях возможны две позиции: либо скептическая позиция, выявляющая принципиальную недостаточность и социокультурную нагруженность имеющегося знания, либо, как считает Рорти, она должна играть роль «информированного дилетанта, политграмматика, сократического посредника между различными дискурсами»¹³. Функции науки в этих условиях тоже существенно изменяются. Она имеет право на существование только в

---

¹¹ Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине. М., 1996. С. 48.

¹² Кузанский Н. Об учёном незнании. Соч. В 2 т. М. 1978. Т. 1. С. 34.

¹³ Рорти Р. Найдённое и сделанное // Философский прагматизм Р. Рорти и российский контекст. М., 1996. С. 41–44.

качестве «денотативной игры», где истина является только одним из внутренних правил этой игры.

Можно сравнить основные позиции античного скептицизма и постмодернизма в понимании познавательных процессов. Безусловное сходство их позиции заключается в антидогматизме, т. е. критической направленности их взглядов на процесс достижения истинного знания. Античный скептицизм, исходя из факта наличия противоположных равносильных утверждений, говорит о невозможности вынесения суждений ввиду достаточных оснований для этого. Единственным выходом из этого положения становится воздержание от суждений, т.е. «такое состояние ума, при котором мы ничего не утверждаем и ничего не отрицаем»¹⁴. Но сама необходимость поиска истины для античных скептиков очевидна.

В постмодернизме антидогматизм выражается в критике самих предпосылок когнитивного процесса. Например, любая познавательная деятельность подвергается критике и объявляется не имеющей смысла, если она основана на предпосылке о существовании объективной истины, так как истина важна не сама по себе, а как средство обеспечения поведения людей: «Познавательные усилия, которые не приводят к координации поведения, – это вовсе и не познавательные усилия, это просто игра словами»¹⁵. Ещё одним проявлением антидогматизма можно считать признание постмодернизмом равноправия различных видов дискурса и различных текстов.

Сходство античного скептицизма и постмодернизма состоит также в отказе от претензий на обладание истиной, но отказ этот они осуществляют по-разному. Скептик говорит, в основном, о своём индивидуальном незнании и ведёт речь о настоящем времени, то есть не утверждает, что знание вообще невозможно, и, несмотря на незнание, стремится узнать.

---

¹⁴ Рорти Р. Найденное и сделанное // Философский прагматизм Р. Рорти и российский контекст. М., 1996. С. 209.

¹⁵ Там же. С. 30.

В постмодернизме незнание является универсальным и всеобщим уделом по причине отсутствия смысла в словосочетании «объективная истина». Различие между видимостью и реальностью, которое должно устраняться в познании в процессе достижения объективной истины, снимается здесь иначе: путём элиминации самой реальности, которая замещается множеством относительных, случайных с точки зрения культуры, времени, языка и т. п. «картин мира».

Начав с абсолютизации негативных моментов социальной реальности и её критики, теоретики постмодернизма переходят к экспериментированию с самим понятием реальности, которое, по их мнению, так же истощило себя, как и другие абсолютные ценности философии и культуры Нового времени. Отсюда вытекает важнейшая черта их онтологии: реальность не существует сама по себе, она создаётся, производится в мышлении и действиях субъекта.

Производство реальности обозначается понятием «симуляция». Поддельное событие, которое якобы отражает реальность, а на деле заменяет отсутствующую реальность, называется симулякром. У Ж. Бодрийера симулякры – это копии без оригинала, знаки, постепенно утратившие связь с действительностью. Образ, знак первоначально является отражением некоей субстанциальной реальности. Но впоследствии он начинает маскировать или искажать её; на следующем этапе образ уже маскирует отсутствие подобной реальности; наконец, он обращается в свой собственный симулякр и утрачивает отношение к какой бы то ни было реальности. В наше время уже нельзя говорить ни об имитации, ни об удвоении, ни даже о пародировании реальности, поскольку она исчезла как таковая и может возникать лишь как эффект замкнутого на себе процесса симуляции. Бодрийер считает, что современную эпоху характеризует затушёвывание различия между реальностью и её представлением. «Происходит невероятное: реальное оказывается гиперреализованным. Оно начинает заявлять о

себе как о чём-то более истинном, чем истина, как о чём-то слишком реальном, чтобы быть истинным. Сегодня такого рода реальности (сверхреальности) с помощью mass media постоянно производятся, разрастаются, становятся гиперочевидными, навязывают себя снова и снова. Устраняется всякое различие между реальностью и её репрезентацией. Реального как системы координат больше нет, оно живёт жизнью модели»¹⁶.

Таким образом, реальность заменяется виртуальной реальностью, в которой нет никакой жизненной достоверности. Такая точка зрения естественна для человека, живущего в мире «человекотехноса», в котором создаётся всё больше искусственных сред обитания с самыми различными параметрами. Это мир, где всеисильны масс-медиа; в нём символы обретают независимое существование, становясь более реальными, чем то, что они символизируют, а образы (прежде всего рекламы) теряют критическую дистанцию по отношению к объектам (товарам, услугам), по существу сливаясь с ними и подменяя их: «Пространство симуляции – это место смещения реального и модели. Реальное и рациональное для того, кто находится внутри данной сферы, неразличимы ни практически, ни теоретически»¹⁷. Само социальное и знаки социального отождествляются. Ж. Бодрийяр пишет, что в настоящее время история социального никогда не приведёт к революции, так как она навсегда остановлена *знаками* социального и революции, например, «понятие пролетариата заменяется каким-то пародийным экстенсивным дубликатом, «массой трудящихся» или просто ретроспективной симуляцией пролетариата, и пролетариату уже не суждено начать «отрицание себя как такового»... Отныне ничто не добирается до конца своей истории, ибо ничто не в состоянии избежать этого захвата симулякрами. И социальное умирает, так и не раскрыв нам своей

---

¹⁶ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. С. 93–94.

¹⁷ Там же. С. 92.

тайны»¹⁸. Далее Бодрийяр отмечает, что только приверженцы социалистической мысли могут быть столь наивными, что испытывают ностальгию по социальному. Только эти чудачки умудрились «объявить универсальной и возвести в ранг идеала прозрачности столь неясную и противоречивую, остаточную и воображаемую, более того упраздняемую своей собственной симуляцией «реальность», какой является социальное»¹⁹.

С точки зрения постмодернистов, в социальных науках сам факт анализа вызывает к жизни свой предполагаемый объект. Всякая возможность познать или доказать нечто аутентичное исчезает. В этих условиях у исследователя социальных процессов возрастает ностальгия по подлинности, утолить которую, с точки зрения Бодрийяра, невозможно, ибо эта ностальгия приводит лишь к дальнейшей интенсификации симуляции, но не приближает нас к иллюзорной подлинности. То есть Бодрийяр заостряет очень старую философему конфликтного соотношения реальности и её представления в сознании людей.

Таким образом, различие между видимостью и реальностью может сниматься за счёт отказа от идеи репрезентации (деления существующего на оригиналы и копии), что, по мнению Ж. Делёза, «связано с возвышением симулякра и утверждением его в своих правах среди копий и изображений»²⁰. К симулякрам, как потерявшим подобие образам, уже неприменимы понятия соответствия истинности. А их значение определяется через различие, а не сходство и подобие.

Отказ от претензий на обладание истиной у скептиков и постмодернистов ведёт к разным следствиям: у скептиков – к воздержанию от суждения; у постмодернистов – к плюрализму дискурсов и «неопрагматичному» диалогу.

---

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. С. 95.

²⁰ Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Томск, 1998. С. 235.

Столь разные формы отказа от претензий на обладание истиной связаны с разными представлениями об истине. Для скептика истина является корреспонденцией и объектом неустанного поиска. В постмодернистской философии истина создаётся, это характеристика языка. Поэтому истин может быть много; главным критерием её является не соответствие действительности, а практическая польза или упрочение коммуникативных связей между людьми. Как пишет Р. Рорти, пора отказаться от двух важнейших метафор: зеркала как метафоры для ума и отражения как метафоры для познания. Метафоры зеркала и отражения неадекватны не потому, что зеркало плохо отражает, а потому, что отсутствует объект отражения – объективная реальность. Однако, с нашей точки зрения, философия постмодернизма не может отменить базовую для классической рациональности метафору зеркала, но лишь усиливает её и доводит до абсурда. Вместо одного отражения возникает множество отражений во множестве зеркал, расположенных под разными углами друг к другу так, что отражение в одном зеркале становится исходной реальностью для другого; эти зеркала смотрятся друг в друга, производя симулякры. Зеркала постмодернистских рефлексий не создают и не воссоздают гармонии: в них дwoятся, трoятся, умножаются без нужды сущности.

Таким образом, исследователи, принадлежащие к традиции «учёного незнания» признают одну плату за спокойствие – отказ от претензий на обладание истиной. Но различаются они пониманием природы истины.

Философы-постмодернисты считают истину недостижимой ещё и в силу того, что обоснование знания в науке и философии осуществляется в форме всё тех же метаповествований (метарассказов), недоверие к которым Ж.-Ф. Лиотар считал самой существенной чертой постмодернизма. Например, американский литературовед Ф. Джеймсон, развивая мысли Лиотара, утверждает, что повествование не столько литературная форма или структура, сколько «эпистемологическая категория», одна из абстрактных координат

нат, изнутри которых мы познаём мир; повествование – «бессодержательная форма», налагаемая нашим восприятием на неоформленный, сырой поток реальности. Иными словами, мир доступен и открывается человеку (в науках тоже) лишь в виде рассказов о нём. Любое повествование требует интерпретации, познание – индивидуальное восприятие и суждение – слишком зависит от культурных факторов (этнических, нравственных, гендерных, политических и др.). Поэтому повествование не только представляет, но и воспроизводит и перевоссоздаёт реальность в восприятии человека, то есть «творит реальность», и в то же время в своём качестве повествования утверждает свою «независимость» от этой реальности. Таким образом, повествование в такой же мере открывает и истолковывает мир, в какой скрывает и искажает его. По мнению Лиотара, ни одно из метаповествований, пытающихся объяснить природу и функции общества в рамках социальных наук, когда, например, общество понимается как некое единство (Э. Дюркгейм) или как функциональная система (Т. Парсонс) недостаточны, так как имеют более общее основание – определённую онтологию (философского или идеологического характера) – которое релятивно.

Итак, весь постмодернистский идейный комплекс требует внимательного анализа как определённый симптом современной культуры, далеко выходящий за рамки философии и литературы. Во многом он выражает собой тенденцию разрушения «старой» культуры как системы отдельных локальных культур и создания на этой базе нового культурного образования, основанного на неизмеримо более широком коммуникационном пространстве.

Что завещает будущему постмодернизм? Пока трудно увидеть все возможности постмодернизма. Он даёт человеку некий урок осмысления действительности и побуждает искать ответы на вопросы, которые ставит перед нами, хотя не в состоянии дать на них ответы. «Его приверженцы подметили колоссальные изменения в современном мире, с

чем нельзя не согласиться»²¹. Позитивный и негативный опыт постмодернизма в решении задач современности позволяет нам выявить различные горизонты и перспективы социальной деятельности. Мы либо предаёмся ироническому и безответственному пребыванию в отпущенном нам историческом времени, либо ищем ответ на его вызов, сохраняя импульс культуротворчества. Нас ждёт либо возвращение в бесконечном круге равноправных дискурсов, либо определённый возврат в обратном направлении и попытка согласования некоторых находок постмодернизма с традиционными ценностями западного рационализма. Более плодотворным был бы путь синтеза «правды» постмодернизма, заключающейся в выявлении разного рода предпосылок знания, с классическими базовыми представлениями относительно реальности истины и языка, от которых не так просто отказаться и сбросить их с корабля современности.

---

²¹ Гобозов И. А. Кризис современной эпохи и философия постмодернизма // Философия и общество. 2000. № 2. С. 97.